

Кровавое в кривом: органы госбезопасности СССР в зеркале ведомственной историографии

Статья посвящена анализу характерных образчиков современной ведомственной историографии ВЧК-МГБ, представленной именами О.Б. Мозохина и А.М. Плеханова. Данные труды объединяют сходные черты: архаичность идеологических предпочтений, плохое знание современных работ гражданских историков, тенденциозность, склонность воспринимать без критики чекистские документы. Также рецензируемые книги роднит небрежность при их подготовке, вследствие чего они отмечены большим количеством серьёзных ошибок, в т. ч. при цитировании важных документов из малодоступных фондов ФСБ.

История органов ВЧК-МГБ привлекает острое исследовательское и общественное внимание. Среди многочисленных исследований, посвящённых деятельности советской тайной полиции в 1920-е — 1950-е годы, особняком стоят публикации ведомственных историков. Тому, кто возьмёт на себя труд оценить пласт специфической литературы с клеймом «сделано в ФСБ», будет хорошо видно, что эта гора литературы произведена не столько с целью исторического познания, сколько с задачей всемерного улучшения имиджа «органов». В данном случае неприкрытая ведомственность уничтожает объективный подход к драматическому прошлому. Тенденциозная поверхностность, грубые ошибки, а также искажения действительности вплоть до заведомо ложных утверждений — вот родимые пятна многочисленных книг и статей современных чекистов. Немногие объективные и насыщенные добротным материалом публикации сотрудников спецслужб (вроде работ А.А. Здановича и В.Н. Хаустова [\[1\]](#)) перемежаются куда более многочисленными предельно идеологизированными и откровенно халтурными сочинениями.

Относительно недавний выход в свет трудов таких известных ведомственных авторов, как О.Б. Мозохин и А.М. Плеханов, даёт повод к подробному разговору об этих во многом схожих произведениях, типичных для современной продукции историков спецслужб. Главной особенностью этих публикаций является обильное цитирование документов и статистики внутреннего делопроизводства органов госбезопасности, что обусловлено практически монопольным доступом их авторов к документам Центрального архива ФСБ. Введение в научный оборот в цитатах или изложении большого массива неизвестных ранее уникальных источников является крупной заслугой авторов. Но историкам хорошо известно, что рассекреченные партийные и чекистские документы имеют особенную силу, подчас они просто деформируют, как это произошло и в данном случае, исследовательское сознание.

К сожалению, другой бросающейся в глаза отличительной чертой новейших работ Плеханова и Мозохина стало сознательное игнорирование или незнание новейшей литературы, в том числе ключевых публикаций по теме исследования, небрежность, обилие ошибок, опечаток и неточностей, а также воспроизведение идеологических штампов советской историографии.

Так, О.Б. Мозохин в своей книге («Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). — Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. 480 с.) практически все сноски даёт на архивы ФСБ и Архив Президента РФ, так что в его книге нет ни одной ссылки на чью-либо публикацию. Между тем большое количество первостепенных документов из архивов КПСС и госбезопасности уже давно введено в научный оборот О.В. Хлевнюком, В.Н. Хаустовым, В.П. Наумовым, В.П. Даниловым и многими другими историками.

Например, сталинская телеграмма членам Политбюро ЦК от 9 октября 1934 г. в ответ на предложение Л.М. Кагановича предоставить право расстрелов челябинской областной *тройке* (стр.140) — опубликована в известном сборнике переписки Сталина и Кагановича; при этом Мозохин, упоминая фамилии членов челябинской *тройки*, не называет региона, из-за чего создаётся впечатление, что они относятся к западносибирской *тройке*, о которой идёт речь чуть выше, в том же абзаце. Весь текст на с. 215–221 представляет собой конспект давно опубликованного обширного доклада комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС от 9 февраля 1956 г. по установлению причин массовых репрессий^[2].

Самые серьёзные вопросы вызывает достоверность приводимой Мозохиным статистики репрессий. В предисловии к книге В.И. Лазарев и А.М. Плеханов подчёркивают, что приводимые Мозохиным цифры репрессированных за 1921–1953 гг. особенно важны в связи с тем, что «так называемые «демократы» сознательно искажают масштабы репрессий в СССР в сторону их непомерного увеличения». Однако необходимо подчеркнуть, что данные Мозохина существенно занижены и по 1920-м гг., и по 1933 г., и по 1937—1938 гг., причём автор даже не ставит вопроса о возможной недостоверности приводимых им сведений. Между тем итоговым данным, подготовленным статистиками ВЧК-КГБ и их сегодняшнему транслятору, доверять ни в коем случае нельзя.

Достаточно взглянуть на графу, в которой Мозохиным указаны данные о расстрелянных в 1932 г., чтобы увидеть несуразно большое количество осуждённых к высшей мере наказания (436 тыс.), и несложным подсчётом определить, что в графе «ВМН» просто суммированы все осуждённые по стране за 1932 г. Число расстрелянных следует искать в графе «ИТЛ», а заключённых в лагеря — в графе «Адм. высылка» (стр.302–307). Эти грубейшие ошибки, которые фактически лишают возможности пользоваться приведённой статистикой за весь 1932 г., обнаружены Мозохиным ещё в 2005 г.^[3] и без коррекции повторены в рецензируемом издании. Немного лучше ситуация с карательной статистикой 1931 г.: на с. 294–295 итоговая цифра репрессированных приведена в графе «Прочие обвинения», количество расстрелянных — в графе «Переданные», число осуждённых к заключению в ИТЛ — в графе «Всего».

Официальные данные о расстрелах по СССР за 1933 г. (стр.312) являются полностью дефектными по иной причине: в них изначально не были включены сведения о расстрелянных *тройками* в Западной и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях. Между тем в Западной Сибири в 1933 г. только по «заговору в сельском хозяйстве» было расстреляно 976 чел., по «белогвардейскому заговору» — не менее 247 чел., по делу «Глубинка» на «заговорщиков» в Хакасии — 68 чел. Чекисты Дальнего Востока тогда же по делу «Трудовой Крестьянской партии» расстреляли 84 чел., а по делу казачьей организации «Амурцы» — 56 чел.

Жестокий террор царил в 1933 г. на Украине, которому никак не соответствуют приводимые Мозохиным цифры — 69 чел., заниженные более чем в 20 раз. Согласно обнародованным официальным данным из архивов Службы безопасности Украины, за 1933 г. ГПУ УССР осудило 45 тыс. человек, из них 774 — к высшей мере наказания. Ещё 750 чел. были приговорены к расстрелу по делам ГПУ гражданскими судами республики. Следует также учесть, что новейшие исследования ставят под вопрос достоверность традиционной цифры расстрелянных в 1937 — 1938 гг. (682 тыс.), которую даёт и Мозохин, и приводят другие данные — от 725 до 740 тыс. чел.^[4] Ещё одна грубая ошибка принадлежит автору: на с. 244 он отнёс официальную, давно опубликованную и явно заниженную цифру репрессированных с 1935 по 1940 гг. — 1 980 635

арестованных и 688 503 расстрелянных - к совершенно непонятному периоду (то ли к 1934–1953 гг., то ли к 1953–1954 гг.), при этом её исказил и тем занижил число арестованных на 60 тыс. чел.

С точки зрения О.Б. Мозохина, Политбюро ЦК ВКП (б) распространило свою власть на все государственные и общественные институты только к середине 1920-х годов (стр.56). Но уж точно ОГПУ не было «ширмой» (стр.57) для решений Политбюро по конкретным политическим делам, поскольку партийная верхушка при решении судеб арестованных исходила прежде всего из материалов, полученных от органов безопасности и зачастую грубо фальсифицированных. Вообще, по логике Мозохина следует, что у органов госбезопасности было законное право на репрессии (массовые расстрелы и этническую ссылку), «делегированные им высшими законодательными органами государства». Он совершенно обходит стержневую роль ВЧК-КГБ в политико-идеологической системе СССР, их ведомственную заинтересованность в осуществлении репрессий и огромное влияние на все институты государства благодаря своим сверхполномочиям и многочисленным агентам в среде номенклатуры.

Особые отделы ВЧК, как полагает автор, имели право расстреливать только за шпионаж, бандитизм и участие в восстаниях (стр.41), но на деле военная контрразведка в массовом порядке расстреливала пленных только за участие в гражданской войне. Наиболее характерный пример — расстрел 12 тыс. офицеров, солдат и беженцев в Крыму работниками особых отделов под руководством Е.Г. Евдокимова в конце 1920 — начале 1921 гг. [\[5\]](#) Неправильно и утверждение, что в губернских чека «применение ВМН было скорее исключением, чем правилом». Так, осенью 1920 г. Омская губчека расстреляла порядка 400 чел. только по «белогвардейскому заговору Орлеанова-Рощина», а в 1921 г. Алтайская губчека расстреляла 70 обвиняемых по делу «Сибирского Крестьянского союза» [\[6\]](#).

Говоря о циркуляре Прокуратуры от 20 июня 1934 г. относительно процедуры привлечения к ответственности сотрудников ОГПУ, Мозохин почему-то солидаризируется (стр.204) с мнением руководства ОГПУ насчёт необоснованности прокурорских выводов о возрастании случаев должностных преступлений чекистов, связанных с превышением власти и издевательствами над арестованными. Но именно в органах прокуратуры, осуществлявшей надзор за делами ОГПУ, концентрировались материалы о преступлениях сотрудников «органов». А из факта резкого роста финансовых трат на проведение «массовых операций» в 1938 г. Мозохин делает совершенно ошибочный вывод о том, что «репрессивный государственный механизм в этот период стал неуправляем» (стр.173).

В книге воспроизводятся идеологические штампы советской историографии: органы ВЧК-НКВД «проводили в жизнь волю пролетариата» (стр.8); «после победы над левой оппозицией» к началу 1934 г. «внутренняя обстановка стабилизировалась», хотя левые были разгромлены ещё в конце 1927 г. (стр.15). Утверждается, что репрессии второй половины 1930-х гг. нанесли «невосполнимые кадровые потери» органам госбезопасности, хотя справедливость этого мнения (стр.18) можно отнести только к аппарату внешней разведки НКВД, а данный вопрос получил объективное освещение в новейших исследованиях [\[7\]](#). Миф о многотысячных жертвах в самом НКВД давно разоблачён, однако Мозохин упорно завышает количество расстрелянных чекистов во много раз (стр.220), хотя знаменитая ежовская фраза о том, что он «почистил 14 тыс. чекистов» означала число уволенных, а не репрессированных сотрудников НКВД.

Есть эпизоды, непонятные для читателя, а возможно, не очень ясные и самому автору. Например, НКВД Башкирии, согласно Мозохину, базируется во Фрунзе (стр.164), поэтому определить, идёт ли речь о Киргизии или Башкирии, невозможно. Упоминая арест чекистами Свердловской области

2 330 чел. во время «операции по японцам» в начале 1938 г. (стр.165), Мозохин не поясняет, что имеются в виду не этнические японцы, которых на Урале не могло быть столько по определению, а «японские шпионы», к которым относили, в первую очередь, харбинцев, китайцев и корейцев, а также русских, высланных с Дальнего Востока.

В книге много ошибок и опечаток, стиль крайне неряшлив: «Факты на непроверенные действия сотрудников ОГПУ подтвердились» (стр.123) и т. д. В начало последнего абзаца на с. 221 случайно вставлена совершенно посторонняя фраза: «Внесудебные полномочия МГБ». На с. 165 в третьем абзаце снизу потеряны несколько слов, из-за чего смысл второго предложения невнятен. На с. 154 вместо «начальникам шестых отделов» напечатано «начальникам шести отделов», причём совершенно ошибочно указано, что при подготовке «кулацкой операции» чекисты «видимо, забыли про транспортные органы». На самом деле шестые (транспортные) отделы управлений НКВД летом 1937 г. были реорганизованы в дорожно-транспортные отделы ГУГБ НКВД и приняли самое активное участие в терроре^[8].

На с. 134 решение Политбюро ЦК о высылке трёх тысяч крестьянских хозяйств датировано 4 сентября вместо 4 апреля 1933 г. Вместо Западно-Сибирского края фигурирует в одном месте Новосибирская область (стр.149), в другом — мифическая Западно-Сибирская область (стр.158), вместо Рязанского губотдела ОГПУ — Рязанский городской отдел (стр.91). На с. 105 приказы ОГПУ от 1932 и 1933 г. отнесены соответственно к 1922 и 1923 гг., на с. 147 вместо подразумеваемого 10-летнего срока заключения фигурирует мера наказания в 19 лет тюрьмы. На с. 185 употреблено неграмотное выражение «тюрьмы ГУЛАГа», ведь тюремное ведомство было отдельной структурой в НКВД и ГУЛАГу (лагерному главку) не подчинялось.

Мозохиним искажены и перепутаны многие инициалы и фамилии исторических лиц. На с. 117–121 А.Х. Артузов четырежды назван Я.Х. Артузовым. Прокурор при ОГПУ Р.П. Катанян назван Катаевым (стр.95), член президиума ВСНХ Н.Б. Эйсмонт — Эйсмондом (стр.34), зампред ОГПУ Г. Е. Прокофьев — Е. Прокофьевым (стр.138), секретарь Западно-Казахстанского обкома С. Сафарбеков — Саорарбековым (стр.163). На с. 161 искажена фамилия председателя облисполкома Коми АССР А.П. Липина, на с. 473 — М.И. Лациса (Судрабса). В 1931 г. вместо ВКП (б) фигурирует РКП (б) (стр.93–94), а в 1937 г. вместо НКВД — ОГПУ (стр.151).

Научная добросовестность труда Мозохина, таким образом, сомнительна. С одной стороны, он привёл ценные данные о внесудебных полномочиях карательных органов за 1918–1953 гг., а также о политических репрессиях, процитировал целый ряд прежде неизвестных чекистских приказов и циркуляров. С другой стороны, значительная часть авторских сведений, выдаваемая за архивные новинки, давно известна исследователям. Недостаточная оригинальность, беспомощность анализа, грубые авторские ошибки, опечатки, а также многочисленные дефекты в приведённой без какой-либо критики официальной статистике репрессий сильно обесценивают книгу О.Б. Мозохина.

Другая работа Мозохина^[9] тоже выполнена в традиционном стиле доверия к чекистским оценкам 20-х — 30-х годов и вновь пестрит грубыми ошибками. Споткнувшись об аббревиатуру СВК (Средне-Волжский край с центром в Самаре), автор расшифровал её как мифический «Северо-Восточный край», оттолкнувшись, видимо, от существовавших в то время Северного и Дальне-Восточного краёв. Начальника ЭКУ ОГПУ Л.Г. Миронова Мозохин несколько раз подряд спутал с заместителем полпреда ОГПУ по Казахстану С.Н. Мироновым. Заодно, не представляя, что сокращение «дм» применительно к калибрам артиллерийских систем означает не дециметры, а дюймы, он изобретает мифические «14-дециметровые» орудия небывалого в истории 1400-

миллиметрового калибра вместо подразумевавшихся классических морских 14-дюймовок. Бездумно переписывая старые документы, автор наземные цели именует «земными», бериллиевый завод — «берилловым», а кубические сантиметры — «кубиками» (стр. 100, 111, 113, 115).

По сравнению с трудами Мозохина существенно больший интерес представляет монография А.М. Плеханова о деятельности ВЧК-ОГПУ в 1921—1928 гг. (Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. — М.: Кучково поле, 2006. 704 с.). Данное сочинение — увесистый труд, претендующий на фундаментальность; его второе издание (первое появилось в 2003 г.) существенно дополнено и имеет объём 50 печатных листов. Из 2 000 сносок основная часть приходится на архивы ФСБ Москвы и ряда областных центров. Но как распорядился этим огромным фактическим материалом профессор Академии ФСБ?

Следует отметить, что автор ввёл в оборот большой массив нового материала по многим направлениям деятельности чекистов, постоянно обращая внимание и на региональные органы ВЧК-ОГПУ. Вслед за А.Л. Литвиным^[10] Плеханов вполне обоснованно утверждает, что преобразование ВЧК в ГПУ в 1922 г. не носило принципиального характера, приводит факты крайней жестокости чекистов, их нетерпимости ко всем политическим противникам. Автор не идеализирует большинство известных чекистов 1920-х годов, возлагая на них справедливую ответственность за те преступления, которые были совершены после отказа от нэпа (стр.237). Он объективно отмечает неприязнь населения и даже номенклатуры к чекистам (стр.269), приводит многочисленные факты слежки работников ВЧК-ОГПУ за партийными бонзами, а при цитировании мемуаров оказывает доверие не только генералу П.А. Судоплатову, но и резиденту-перебежчику Г. С. Агабекову. Плеханов отвергает официальную цифру в примерно 10 тыс. расстрелянных в 1921 г. как явно заниженную и, в частности, приводит факты массовых расправ на Кубани (стр.356), где к осени 1921 г. без суда было расстреляно до 3 000 чел., а также в Крыму. Таким образом, объективных суждений в книге не так уж мало, причём важно, что приводимый автором фактический материал то и дело опровергает традиционные для советской историографии выводы, которые предлагает читателям А.М. Плеханов.

В соответствии с идеологизированным тезисом относительно полной подчинённости «органов» правящей партии, получившем широкое распространение внутри коллектива историков ФСБ, Плеханов переносит всю тяжесть ответственности за репрессии на политическое руководство страны. При этом автор совершенно игнорирует тот непреложный факт, что руководство ВЧК-ОГПУ активно поставляло партийной верхушке массу фальсифицированных сведений о заговорах, сознательно создавая впечатление крайней политической нестабильности и обилия шпионов, заговорщиков, диверсантов, вредителей.

Плеханов пытается разделить деятельность ВЧК-ОГПУ нэповского периода и чекистскую работу после 1928 г., когда она оказалась направлена против невинных людей. Но выделять именно 1921–1928 гг. в качестве особенного «нэповского периода» деятельности органов ВЧК-ОГПУ вряд ли верно. Начинать некую новую, «более правильную» историю чекистов с 1921 г., привязывая её к началу нэпа, нет оснований, ибо никаких принципиальных изменений в деятельности карательной системы в 1921 г. не произошло. Постепенный отход от террористических методов работы ВЧК-ГПУ начался только с 1922 г. и был очень противоречивым и непоследовательным процессом. Считать 1928 г. некоей вехой в карательной

истории ОГПУ можно, но следует учитывать, что массовый террор, окончательно покончивший с нэповской эпохой, начался всё же осенью 1929 г.

Утверждение Плеханова о том, что органы ОГПУ в период нэпа выполняли в первую очередь правоохранительные функции, так как большая часть осуждённых чекистами принадлежала к уголовным элементам, может быть справедливым только с формальной точки зрения. Ведь и в 1930-е годы (за исключением периода 1937–1938 гг.) чекисты в основном арестовывали и осуждали не по 58-й статье УК. Реальная роль чекистов в годы нэпа была отнюдь не правоохранительной и не отличалась от той, которую они играли в годы военного коммунизма или «великого перелома» — органы ВЧК-ОГПУ являлись вооружённой опорой власти, не брезгующей никакими методами для сохранения однопартийной диктатуры.

Следуя своей концепции о правоохранительном характере деятельности органов ВЧК-ОГПУ в 1920-е годы, автор предпочёл совершенно не рассматривать такой магистральный сюжет деятельности органов тайной полиции, как борьба с Русской православной церковью и другими конфессиями и религиями. Между тем, за последние годы был опубликован ряд работ, позволяющий изучить специфические методы масштабной деятельности чекистов по разложению и подчинению церковных организаций в период нэпа [\[11\]](#). Несмотря на уменьшение числа репрессированных, чекисты и в середине 1920-х годах тысячами арестовывали нелояльных лиц, фабриковали «показательные» политические процессы, расстреливали во внесудебном порядке, осуществляли многочисленные провокационные акции (нередко сопровождавшиеся уничтожением «отработанной агентуры») и массовые насильственные вербовки.

Общество знало о возможностях чекистов, методах их работы и воспринимало ГПУ-ОГПУ точно так же, как и ВЧК — со страхом и презрением. Практика «органов» свидетельствует: чтобы держать страну в подчинении, не обязательно каждый год расстреливать сотнями тысяч — достаточно постоянно изолировать и уничтожать сколько-нибудь активных противников режима, чтобы вынудить остальных придерживаться конформистской позиции. Большевистский террор периодически то резко усиливался с помощью внесудебных органов, то спадал, отражая задаваемые политической верхушкой колебания карательной политики.

Система ВЧК-ОГПУ наглядно воспроизводила наиболее архаичные формы российского политического сыска XVII-XIX веков: абсолютизация доноса, массовые аресты, пыточное следствие, невыносимые условия содержания, использование провокаторов, тайные судилища с predetermined приговором, применение мучительных способов казни, секретность захоронений осуждённых. Однако в книге А.М. Плеханова прямо взяты под защиту основные направления чекистской работы 1920-х гг. Автор провозглашает, что в условиях нэпа чекисты занимались защитой политического строя от реальных противников в стране и за рубежом, боролись со шпионажем, уголовной и экономической преступностью (стр.35), тем самым протестуя против отнесения чекистов к сотрудникам карательной, а не правоохранительной системы. В подтверждение он обильно цитирует архивы госбезопасности. Однако профессор Плеханов демонстрирует абсолютную неспособность к критике такого своеобразного источника, как документы внутреннего делопроизводства ВЧК-ОГПУ. С одной стороны, их информационная ценность исключительна, с другой стороны, предлагать читателям раскавыченные мнения и выводы сотрудников ОГПУ — означает транслировать ведомственную точку зрения на дела и личности 1920-х годов, что не имеет ничего общего с задачами научного исследования.

К сожалению, Плеханов проигнорировал главную часть напечатанного по теме — как исследовательские работы, так и документальные публикации, в том числе такие, что вводят

в оборот именно те материалы, которые поданы автором под видом впервые обнародованных. Чтение книги не оставляет сомнений в том, что Плеханов не знает основной новейшей литературы о чекистах. Вышедшие ещё в 1995 г. основательные монографии В.С. Измозика о цензуре и М.Н. Петрова о ЧК-ОГПУ в Северо-Западном регионе даже не упоминаются, содержательная книга В.Д. Тополянского — проигнорирована [12]. Совершенно не привлекались работы Р.Р. Мардамшина о Башкирской губчека, Г. Л. Олеха — о взаимодействии ВЧК-ОГПУ Сибири с партийными структурами в первой половине 1920-х годов, Т.С. Ивановой и Е.Е. Алексеева — о репрессиях в Якутии, книга А.Л. Литвина — о красном и белом терроре в России, а также документальные сборники В.И. Шишкина о вооружённом сопротивлении сибиряков коммунистическому режиму [13].

Автором представлен весьма скудный материал по работе внешней разведки, статистике репрессий, анализу кадрового состава ВЧК-ОГПУ, условиям содержания арестованных и методам получения признательных показаний. У Плеханова почти нет сведений об отработанной технологии массовых чекистских расправ над осуждёнными (например, о широкой практике «захоронения» в реках), не говорится о сознательной политике «крещения кровью» рядовых оперативников, широко привлекавшихся к расстрелам, настоящем разгуле уголовщины в чекистских рядах [14]. Умалчивается о массовом привлечении в свою агентуру партийных и советских работников, широчайшем применении внутрикамерной провокаций.

Плеханов не анализирует с критической точки зрения даже самые крупные фальсифицированные дела ВЧК, по которым есть и опубликованная информация (Петроградская боевая организация, Сибирский Крестьянский союз). Нет сносок на огромный том документов о судьбе казачьего командира Ф.К. Миронова, вышедший ещё 15 лет назад [15], но зато ложно утверждается, что Миронов не был расстрелян по постановлению Президиума ВЧК, а якобы случайно убит охранником (стр.173). Отметим, что при этом автор приводит факт тайного осуждения к расстрелу Президиумом ВЧК амнистированных руководителей тамбовского восстания (стр.129), что подтверждает чекистскую практику секретных расправ.

Незнание автором новейшей исследовательской и документальной литературы по теме приводит Плеханова к очевидным конфузам, ибо для иллюстрации подрывной работы зарубежных разведок он постоянно ссылается на мифические шпионские и диверсионные организации, участники которых были реабилитированы ещё в 1990-е годы. А ведь достаточно было зайти на сайт общества «Мемориал» (www.memo.ru), где размещена огромная база данных на репрессированных лиц, чтобы увидеть среди реабилитированных расстрелянных в 1924 г. «английского шпиона» Н.С. Конькова-Гобби и «немецкого шпиона» А.Ю. Нагеля, и расстрелянного в 1927 г. ещё одного «английского шпиона» — С.Е. Мазуренко (стр. 65, 316, 318), и расстрелянных в 1928—1929 гг. «немецких шпионов» Н.Н. Малявина и М.О. Рейтера (стр.316). Знаменитый экономист А.В. Чаянов именуется «будущим лидером Трудовой крестьянской партии» (стр.84), которой, как выяснилось при реабилитации Чаянова и его коллег в 1987 г., никогда не существовало. Не раз указывая на опасную заговорщицкую деятельность петроградского профессора В.Н. Таганцева (стр. 88, 323, 562), реабилитированного ещё в 1992 г., в качестве источника обвинения автор ссылается, в частности, на газету «Правда» от 1921 г. Указав на фабрикацию «Шахтинского дела» (жертвы которого все в 2000 г. были реабилитированы — А. Т.), Плеханов в другом месте опирается на показания одного из инженеров-«шахтинцев», признавшегося, что его «организация» получала директивы из-за границы (стр. 60, 88), а на с. 477, упомянув факт реабилитации, тем не менее заявляет, что обвинения оказались несостоятельны в отношении не всех, а только «многих фигурантов процесса».

Также Плеханов пишет, что чекистами якобы «было доказано» намерение членов Комитета помощи голодающим, арестованных по указанию Ленина, подготовить заговор с целью свержения власти (стр.499). К области чекистской мифологии относятся и упоминание поддержки Японией «якутского тойонства» (стр.52); и пассаж относительно придуманной чекистами «повстанческой организации» князя К.Э. Ухтомского, якобы существовавшей на юге России в 1921 г. (стр.89); и рассказ о встрече лидера РОВСа А.П. Кутепова в 1927 г. с «представителями одной из военных контрреволюционных организаций в СССР», хотя речь здесь скорее всего шла о встрече в рамках известной чекистской операции «Трест» (стр.304-305); и сюжет — со ссылкой на циркуляр ОГПУ от 1928 г. — о существовании многих тайных повстанческих групп в городах, стремившихся к союзу с «демократической контрреволюцией» в деревне (стр.389).

Упомянув кампанию иностранной прессы в защиту германских студентов, арестованных в СССР в 1924 г. по ложным обвинениям, Плеханов твёрдо именует её «вымыслами иностранных журналистов» (стр.486). Между тем арест троих немецких студентов-коммунистов Т. Вольшта, К. Киндермана и М. Дитмарина вызвал огромный международный скандал. Чекисты обвинили гостей Советского Союза в том, что они на самом деле отъявленные фашисты, которые шпионили и готовили покушения на советских вождей — Сталина и Троцкого — с помощью револьверов и «сильнейших ядов». В июле 1925 г. студентов приговорили к расстрелу, и советская пресса захлёбывалась в проклятиях по адресу мифических «шпионов-террористов», которых вскоре освободили (кроме одного, погибшего в лубянской застенке), обменяв на арестованных в Германии советского разведчика и нескольких немецких коммунистов [\[16\]](#).

Автор без малейшей критики цитирует чекистские измышления и о намеченной высадке десанта Врангеля в Крыму в мае 1922 г., и о намерении Черчилля организовать интервенцию западных стран в 1929 г., в связи с чем работники ОГПУ в конце 1927 г. сразу выявили организации «повстанцев-националистов» в шести городах Украины (стр. 61, 325). Плеханов приводит сведения о количестве осуждённых в середине 20-х годов за участие в контрреволюционных организациях (стр.89), даже не задумываясь о том, что реабилитационные процессы вряд ли что-то оставили от этих внушительных цифр. Говоря о провалившихся делах, связанных с «вредительством», Плеханов утверждает, что они порой становились результатом использования «неквалифицированной агентуры» (стр.454), хотя на деле подоплёкой таких дел являлась вполне сознательная провокация со стороны чекистов, активно ориентировавших агентуру именно на вскрытие «вредительства».

Плеханов с полным доверием отнёсся к заявлениям Ягоды от 1927 г. о появлении массы террористических молодёжных групп на производстве («очень грозную опасность представляют сейчас антисоветские группировки на заводах», которые якобы «есть везде», а весь политический террор «исходит целиком от молодёжи»), утверждая, что полностью фальсифицированный анализ Ягоды отличался глубиной и его предложения о переориентации агентурной работы со «старой контрреволюции» на «молодую» носили конструктивный характер (стр.315). Следуя логике Плеханова, получается, что в 1931 г., при организации Секретно-политического отдела ОГПУ, чекисты совершенно обоснованно среди важнейших целей отдела указали борьбу с молодёжными террористическими организациями в городе и деревне. Там же из-за цифровой ошибки невозможно понять, сколько человек арестовали чекисты в Сибири летом 1927 г., ибо у Плеханова значится: «арестовано — 112, из них в оперативных целях — 166 человек» (стр.314).

Прославление Дзержинского причудливо сочетается с приводимыми многочисленными документальными подтверждениями жестокости председателя ВЧК, его нетерпимости к чужому

мнению и фактической защите преступников из своего ведомства. В книге налицо также апология Сталина как жестокого, но мудрого и патриотичного правителя-государственника. В гражданской войне, по мнению Плеханова, виноват, конечно, международный империализм, а не большевики. Идеологическая ангажированность автора сквозит повсюду. Он утверждает, что Россия «до революции не знала элементарных гражданских прав и политических свобод» (стр.259); что «революционная народная власть» лишь постепенно была заменена партийной диктатурой; что революционные преобразования в начале 20-х годов отражали «волю большинства народа» (стр.43); что причиной исчезновения меньшевиков, эсеров и других партий стала не деятельность ГПУ, а «успехи коммунистов в восстановлении народного хозяйства» (стр.439); наконец, что строительство коммунизма было «великой целью» (стр.517).

Вслед за рассерженным Дзержинским автор клеймит за «клевету» на советских чиновников демократическую эмигрантскую газету «Дни», в запале утверждая, что она «ничем не отличалась от махровой монархической газеты» (стр.486). Бездумно повторяются бессмысленные клише давно минувших времён: «буржуазно-помещичья Польша», «боярская Румыния» (стр. 46, 49), «псевдосоциалистические лозунги о свободе слова, собраний» (стр.91), «буржуазная интеллигенция» (стр.443), без кавычек употребляется политический термин «кулак», повстанческие антикоммунистические отряды именуется обычно «бандами» (стр.224).

Плеханов не знает, что такое красный бандитизм, потому что не читал новейших исследований об этом явлении^[17], а опирается на чекистские документы и их поверхностные выводы о том, что это была реакция на нэп и советский бюрократизм. На самом деле красный бандитизм был небезвыгодной властям разновидностью красного террора, обращённой преимущественно на зажиточных крестьян и сторонников белых. Автор пишет о ликвидации повстанчества и политического бандитизма к середине 1920-х годов (стр.381), хотя и в Сибири, и на Дальнем Востоке, и в Средней Азии, и на Кавказе эти явления продолжали весьма широко существовать как в середине, так и во второй половине десятилетия. Совершенно непонятно, о каком эпизоде упоминает автор, говоря о заслугах чекистов и их осведомителей, которые якобы «сорвали подготовку переворотов в Тюмени» (стр.360); если Плеханов имеет в виду известное расстрельное «дело корнета Лобанова» 1921 г., сфабрикованное по заданию председателя Тюменской губчека П.И. Студитова, то оно давно прекращено^[18].

Автор утверждает об эффективности прокурорского надзора над ОГПУ (стр.159), но данному тезису противоречат факты массовой и повсеместной фабрикации дел в тот период. Вызывают большие сомнения заявления автора о том, что операция «Трест» позволила задержать якобы сотни вражеских агентов, а добровольные чекистские пожертвования в 1921 г. спасли не много ни мало десятки тысяч голодающих (стр.322). Порой нарушается в книге и хронологический принцип — так, к «выступлениям» 1920-х годов отнесено крупное вооружённое восстание крестьян Бийского округа Сибирского края, организованное чекистом Ф.Г. Добытыным в другую эпоху — весной 1930 г. (стр.473).

Есть и полные повторы одной и той же информации (например, на с. 193 и 195). А другие факты подчас повторяются в искажённом и неосмысленном виде: сначала указывается, что после «объявления недели борьбы с бандитизмом только на Юго-Востоке России к 1 июня 1921 г. сдалось 6920 человек» (стр.370), а затем утверждается (стр.374), что «к 1 июня 1921 г. на Юго-Западе России было 93 банды общей численностью 6920 штыков и сабель. Общая амнистия способствовала на Юго-Востоке отказу многих из них от вооружённой борьбы...» Здесь путаются

и география (Юго-Западный регион вместо реального Юго-Восточного), и история, когда неверно указывается, что около 7 тыс. повстанцев Кубани сдались властям в течение всего лишь недели.

Упомянув предвоенную высылку 40 тыс. жителей прибалтийских республик, охарактеризованных Плехановым — в полном соответствии с точкой зрения НКВД — как «антисоветский, уголовный и националистический элемент», автор цинично сопоставляет с ней высылку японцев с тихоокеанского побережья США после начала войны с Японией (стр.301). При этом он не упоминает, мягко говоря, разницы, между выселением в Сибирь — зачастую на верную смерть, и переселением внутри Соединённых Штатов, а также по небрежности забывает указать, что упомянутые им 40 тыс. были депортированы именно из Прибалтики.

Странно выглядит ирония над информацией И.В. Сталина о деморализации парторганизаций Северного Кавказа в связи со «систематической слежкой» со стороны особых отделов, и о том, что тамошние органы ВЧК встали над партийными, ведя агентурное наблюдение даже за Г. К. Орджоникидзе (стр.164–165). В устах Сталина такое утверждение, напротив, дорогого стоит. Автор постоянно проводит мысль о том, что ВЧК-ОГПУ работали под контролем партии, хотя в данный период у чекистов, активно вербовавших коммунистов в осведомительную сеть, хватало возможностей скрывать свои дела от партийных инстанций.

Первого исследователя красного террора С.П. Мельгунова Плеханов упоминает в разделе историографии, но его, вероятно, не читал, что привело к конфузу. Увидев в известном труде М. Восленского «Номенклатура» цитату (со сноской на публицистическую книгу П.Н. Милюкова) из книги С.П. Мельгунова^[19] о разновидностях пыточного следствия, принятого среди чекистов периода Гражданской войны, Плеханов приписывает её Милюкову, которого затем упрекает (стр.141) за то, что тот ни дня не сидел в большевистской тюрьме, а посмел распространять рассказы про какие-то зверства ЧК. Разумеется, праведный пафос автора, обрушившегося на «некомпетентного» Милюкова, пропадает впустую — ведь неутомимый собиратель фактов красного террора историк Мельгунов неоднократно сидел в застенках ЧК, а также приговаривался к смерти.

Пытаясь опровергнуть факты чудовищных условий содержания арестованных, автор выхватывает лишь сведения о временных привилегиях эсеров в Бутырской тюрьме (стр.142). Куда более красноречивые факты издевательств над узниками, например, опубликованные Г. А. Бордюговым^[20], а также многочисленную мемуарную литературу Плеханов игнорирует. Между тем Мельгуновым в его «Красном терроре» цитируется записка Красного Креста во ВЦИК от 1922 г., где говорится о повсеместном ухудшении содержания в тюрьмах, которое по своей жестокости приблизилось к периоду гражданской войны^[21]. Подробно рассказывая об организации Соловецкого концлагеря (стр. 140, 144), Плеханов почти не упоминает о жесточайших порядках, практиковавшихся в этом учреждении с момента основания, но с полным доверием к официальным документам утверждает, что решением особой комиссии в 1924 г. на Соловках должен был быть «несколько смягчён режим».

Автор сознательно не приводит никаких общих цифр об экстремально высокой преступности внутри чекистского ведомства — очевидно, потому, что цифры получились бы слишком выразительными. Между тем, только одним приказом ГПУ РСФСР от 23 ноября 1922 г. было объявлено о расстреле за различные преступления во внесудебном порядке 20 чекистов^[22]. С другой стороны, для профессора Академии ФСБ сам факт признания, что где-то на периферии чекист — конечно-де, только на свой страх и риск — «мог ударить арестованного» (стр.142), уже является немалым достижением, также как и утверждение, что у всех партийцев «понимание

морали и норм нравственности было несколько деформировано господствующей идеологией» (стр.269).

Очевидно, что при написании книги имела место самоцензура, приводившая к замалчиванию неудобных фактов. Рассказывая о выдающихся заслугах лично знакомого автору сексота, а затем профессора Е.Ф. Муравьёва (стр.220), которого рекомендовал в партию сам Дзержинский за «очевидные заслуги на Тамбовском фронте», Плеханов умалчивает о помещённом в том же архивном деле мнении Г. Г. Ягоды от 5 января 1925 г., скептически ответившего председателю ОГПУ: «Мы содействуем Муравьёву вернуться в партию, но не делаем для него каких-либо невероятных отступлений от общих правил для наших в прошлом ценных осведомителей», ибо со времени подавления «антоновщины» Муравьёв «разложился», а «к основному его недостатку... авантюризму — прибавилось и усилилось склочничество и шкурничество, иногда скрещивающиеся с шантажом»^[23].

Бегло упоминая эпизод с супругами Шишковскими, незаконно арестованными полпредом ГПУ по Юго-Востоку России Г. А. Трушиным, Плеханов не подозревает, что В.М. Шишковский был видным чекистом-разведчиком, начальником оперштаба при полпредстве ВЧК Юго-Востока России, причастным к фабрикациям «дела» организации князя К.Э. Ухтомского, по которому прошло не менее 257 чел. Шишковского, судя по документам, сначала подсаживали к арестованным казакам в качестве внутрикамерного агента, а в 1922 г. полгода продержали под арестом по ложному подозрению в связях с повстанцами^[24].

Неведом Плеханову и крупный чекист Шнеерсон, чью скандальную записку коллеге-пограничнику относительно удобства отравления с помощью мышьяка цитирует автор. В ноябре 1925 г. Н.М. Шнеерсон, возглавлявший отделение контрразведки Приморского губотдела ОГПУ во Владивостоке, отправил следующую красноречивую записку начальнику 53-го погранотряда П.С. Панову: «Посылаю тебе мышьяк 25 грам[мов]. Им можно отравить 100–150 человек. Исходя из этого, ты можешь соразмерить, сколько нужно на каждого человека. На глаз нужно маленькую щепоточку...» (отметим, что записка относится к 1925 г., когда ещё существовали губотделы ОГПУ, а не к 1926 г., как ошибочно указано на с. 270). Шнеерсон вовсе не был изгнан из «органов», как следует из логики повествования Плеханова; напротив, он в течение целого десятилетия уверенно двигался по служебной лестнице, достигнув должности помощника начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР; процветал и орденноносец Панов. Борьба со злоупотреблениями в чекистской среде, в принципиальном характере которой автор уверен (стр.233), на деле была чаще фикцией, как и полагается в ведомстве, где процветали преступные методы и в агентурной работе, и в оперативной деятельности.

Кадры советской тайной полиции всецело отвечали террористическим задачам ведомства и надёжно охранялись круговой порукой. Плеханов проигнорировал известные данные о череде преступлений, например, руководства ГПУ Азербайджана в 1927 г., где был и самовольный бессудный расстрел рабочего, в пьяной драке ударившего бутылкой одного из руководителей местного ГПУ, и заказ на убийство собственной жены председателем ГПУ Азербайджана Н. Ризаевым^[25], и, как водится, минимальное наказание для всех провинившихся. Опубликованы и данные о том, как во второй половине 1920-х годов тобольские чекисты во главе с начальником окружного отдела ОГПУ И.Ф. Заикиным расхищали государственные средства, а также активно вымогали деньги и ценности у ссыльных. Часть незаконно полученных средств и изъятых ценностей Заикин отправлял руководящим чекистам: заместителю полпреда ОГПУ по Уралу О.Я. Нодеву и помощнице начальника Секретного отдела ОГПУ А.А. Андреевой-Горбуновой. После

разоблачения этих деяний карьеры Нодева и Андреевой не пострадали, да и сам Заикин не засиделся в лагерях^[26].

Очень много в книге прямых ошибок и неточностей, что сильно подрывает доверие к авторской компетентности. Плеханов упоминает мифического старшего сержанта госбезопасности (стр.417), хотя существовали только сержанты ГБ; и столь же мифический Бийский губотдел ОГПУ (был Бийский уезд Алтайской губернии); путает уездный городок Енисейск с Енисейской губернией (стр.211), упоминает полпредство ОГПУ по Западной Сибири в 1927 г. (стр.386), появившееся только в 1930 г., а участковую транспортную ЧК именуется уездной (стр.131). Рижская эмигрантская газета «Сегодня» именуется парижской (стр.323); стихотворение-памфлет Н.Н. Горбачёва, адресованное Демьяну Бедному и опубликованное ещё в годы перестройки, цитируется по неграмотной копии из ЦА ФСБ, приписывается С.А. Есенину и при этом названо «малоизвестным», а датировано (применительно к Есенину) посмертно — маем 1926 г. (стр.83).

На с. 334 упоминается мифический вооружённый конфликт 1928–1929 гг. между СССР и, по всей видимости, Японии вместо подразумеваемого советско-китайского столкновения осени 1929 г. (или, если автором просто перепутаны десятилетия, то конфликтов СССР и Японии 1938–1939 гг.). Директор Департамента полиции А.А. Лопухин, раскрывший общественности фамилию агента-provokatora Е.Ф. Азефа, не был «отправлен на каторжные работы» (стр.11), а отделался недолгой ссылкой. Вместо известного партийца-оппозиционера начала 1920-х годов Г. И. Мясникова упомянут его однофамилец А.Ф. Мясников (стр.84). Почтенный историк «Аронольд» Тойнби волей автора загадочным образом повторяет «через 90 лет» идеи современного нобелевского лауреата Василия Леонтьева (стр.9). На с. 493 с ошибкой дана цитата из М.А. Булгакова, который также смело отнесён к лидерам придуманной чекистами «Устряловско-Лежневской группы» (стр.488).

В книге масса исторических лиц, чьи фамилии и должности искажены, причём нередко до неузнаваемости: член Коллегии ВЧК М.С. Куров — это, разумеется, М.С. Кедров (стр.222); мифический член ЦК меньшевиков И.Г. Суханов, конечно же, на самом деле Н.Н. Суханов (стр.394); не менее мифический член ЦК ПСР Бокал — это И.Ю. Баккал (стр.406); председатель Омского губревкома Е. Колодов — на самом деле Е.В. Полюдов (стр.107); атаман-повстанец Уренок — Уренюк (стр.306); резидент Интеллидженс Сервис в Сибири некто Дам (стр.317) на самом деле — Даль (Генри Сессиль). Несуществующий замначальника полпредства ГПУ по Сибири Кевейш (руководителями полномочных представительств ВЧК-ОГПУ были полпреды, а не начальники) — это заместитель полпреда и начальник Особого отдела полпредства В.Д. Кевейша (стр. 421, 694). Упоминающиеся через запятую эсеры Тагунов и Ельшевич (стр.402) на самом деле одно лицо — С.Т. Тагунов-Ельшевич. Лидер повстанческого движения в Горном Алтае А.П. Кайгородов был подъесаулом, а не полковником (стр.307).

Когда же Плеханов берётся указывать настоящие фамилии исторических персонажей, то черпает сведения порой из сомнительных источников и зачем-то утверждает, что настоящая фамилия дипломата М.М. Литвинова (Валлаха) — Финкельштейн. Г. Г. Ягоде приписана фамилия Иегуда, а Я.С. Агранов именуется Соринзоном (стр. 690, 696, 702), хотя правильное написание этой фамилии, ранее приписывавшейся Агранову — Сорендзон. Однако автор, храбро взявшийся раскрывать отдельные псевдонимы лиц неславянского происхождения, не указывает, что публицист А.С. Изгоев — это Ланде, З.Г. Зангвиль — Шмерлинг, а чекист С.Н. Миронов — Король.

Кадры описываемого ведомства Плеханов знает плохо. Председатель Тамбовской губчека и полпред ГПУ по Дальневосточному округу А.М. Левин (Л.Н. Бельский) в разных местах значится в двух ипостасях — и как Левин, и как Бельский. Знаменитый чекист-террорист Я.Г. Блюмки

в одном месте без разъяснений фигурирует как Исаков (стр.467) — по оперативному псевдониму середины 1920-х годов; разведчик-диверсант Х.И. Салнын упоминается как Х. Салын (стр. 359, 698). Нет инициалов у многих видных чекистов: А.П. Альпова, Л.Н. Бельского, А.С. Боуфало, К.Я. Дукиса, Г. Д. Запрудского, В.А. Кишкина, К.И. Ландера, А.И. Мосолова, П.Н. Новицкого, А.С. Славатинского, П.И. Студитова, С.Г. Чудновского, Х.П. Щербака и других.

Автором механически повторены ошибки безграмотного чекистского делопроизводства: так, сектанты-меннониты именуется «менонистами». К ним добавлены бесчисленные собственные ошибки и опечатки, вроде именованья «элина» - «эмином», «повила» вместо «появилась» (стр. 498, 511) и т. д. Вызывает удивление оформление публикации некоторых документов — так, в архивной легенде на с. 612 записка Дзержинского охарактеризована как «ксерок автографа».

Теперь о неизбежных этических вопросах. Обилие ссылок на фонды органов госбезопасности не должно сбивать читателя, ибо под архивными шифрами зачастую замаскированы факты, давно введённые в научный оборот другими исследователями. Среди многочисленных нарушений приоритета коллег-историков приведём некоторые самые очевидные случаи. Со ссылкой на архив ФСБ (стр.84) Плехановым цитируется известное письмо Г. И. Мясникова Ленину, опубликованное Б. Беленкиным ещё в 1990 г., со ссылкой на РГАСПИ — письмо Р.С. Землячки о терроре в Крыму (стр.127–128), о котором известно из монографии С.А. Павлюченкова^[27]. Сюжет о попытках ОГПУ противостоять сокращениям смет, который мы находим у Плеханова (стр.196), много лет назад изложен В.С. Измоzikом, а цифровые сведения о симпатиях чекистов к идеям оппозиции (стр.265) опубликованы Б.А. Старковым^[28]. Плеханов с грубой неточностью приводит данные о численности иркутских чекистов в конце 1921 г., которые в 1999 г. были обнародованы Г. Л. Олехом. При этом автор делает сразу две ошибки (стр.183): указывает, что в Иркутске работало не 1 700, а только 1 200 сотрудников (вместе с охранными подразделениями), а также заявляет о якобы проведённом тогда же слиянии чекистских органов, что на деле оставалось пожеланием до ликвидации ВЧК^[29]. Письмо Дзержинского в ЦК РКП (б) от января 1921 г. дано со ссылкой на ЦА ФСБ (стр.534-535), хотя опубликовано оно, причём с более точной датировкой, Г. А. Бордюговым ещё в 1992 г^[30]. На с. 216 автор цитирует со сноской на ЦА ФСБ документ Дзержинского, опубликованный ещё в 1958 г. и перепечатанный Плехановым же в приложениях с соответствующей сноской на журнал «Исторический архив» (стр.537).

Слабость познаний и тенденциозность А.М. Плеханова сказались и на подготовленном им (вместе с А.А. Плехановым) 872-страничном сборнике документов «Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926», выпущенном в престижной серии почтенным Международным фондом «Демократия» в 2007 г. Привычные для Плеханова грубые ошибки и небрежности хорошо заметны при чтении сборника. Обилие ценных документов, собранных под одной обложкой и дающих новое знание о работе и кадрах ВЧК-ОГПУ 1918–1926 гг., не должно обманывать: эта документальная подборка составлена тенденциозно и небрежно, а откомментирована неудовлетворительно.

О качестве работы составителей говорят следующие факты. На с. 272 и 534 дважды опубликована — под 1921 г. и 1924 г. соответственно, причём с серьёзными разночтениями и под разными заголовками — одна и та же записка Дзержинского от 16 марта 1924 г. о статье в 13-м томе берлинского «Архива русской революции» И.В. Гессена. Архивные шифры двух документов полностью совпадают. Сначала записка датирована 1921 г., хотя выпуск «Архива» начался тогда же и никак не мог в начале 1921 г. дойти до 13-го тома. Значит, правильная датировка —

1924 г. (стр.728). Записка Дзержинского В.Р. Менжинскому от 22 августа 1924 г. (стр.492) датирована 1923 г., хотя в тексте упоминается Ленинград. Ошибочные даты имеет целый ряд других документов: N 18 (1917 г. вместо 1918 г.), N 34 и 141 (1918 г. вместо 1919 г.), 514 (1921 г. вместо 1920 г.)[\[31\]](#).

Составители привычно путаются в чекистах весьма заметного ранга. Председатель Омской губчека П.В. Гузаков назван просто сотрудником Омгубчека Гусаковым (стр.731); вместо секретаря Сиббюро ЦК РКП (б) В.Н. Яковлевой упоминается некий Яковлев (стр.322); вместо помощника начальника Секретного отдела ГПУ по следствию А.А. Андреевой (Горбуновой) фигурирует мифический начальник Секретного отдела ГПУ Андреев (стр. 456, 714).

Также указано, что адмирал А.В. Колчак был расстрелян Иркутским ревкомом (стр.748), хотя давно известно, что ревком исполнял прямое указание Ленина о ликвидации бывшего Верховного правителя. Упомянувшийся выше чекист Л.Н. Бельский (А.М. Левин) в именном указателе фигурирует опять-таки дважды: как Бельский и как Левин. Также отметим, что Я.Г. Блюмкин (стр.719) родился в 1900 г., а председатель ревтрибунала в 1918 г. некто Зорин (стр.740) — это Д.Ф. Зорин (1893 — после 1939). Отметим также, что при работе над именованным указателем составители пошли по наиболее простому и порочному пути: взяли даты жизни персонажей из старого сборника «В.И. Ленин и ВЧК», где даты расстрелов были специально искажены, чтобы взгляд пореже цеплялся за 1937 и 1938 гг. В итоге у десятков лиц, как правило, очень известных, датами смерти ложно указаны 1939–1945 гг.

Таким образом, труды Мозохина и Плеханова наглядно демонстрируют, что особое положение силовых структур в современной системе власти распространяется и на толкование их собственной истории. В результате роль ведомственных историков, имеющих приоритетное право доступа к архивным документам и выступающих обычно с работами апологетического характера, искусственно выпячивается. Между тем слабая квалификация большинства исследователей из ФСБ-МВД, недоступность даже для них многих архивных документов приводит как к случайности публикуемых материалов, так и к искажению текстов, оставлению их без реального комментария. При анализе работ, подобных приведённым выше, следует учитывать их явно выраженную тенденциозность и небрежность, критически проверяя ту информацию, которую они предоставляют.

[\[1\]](#) См. *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка (1914 — 1920): Организационное строительство. М., 2004; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936 — 1938 гг. — М., 2009.

[\[2\]](#) См.: Сталин и Каганович [\[2\]](#) С. 511, 512; Реабилитация: как это было [\[2\]](#) Том II [\[2\]](#) С. 317–348.

[\[3\]](#) См.: *Мозохин О., Гладков Т.* Менжинский. Интеллигент с Лубянки. - М., 2005.

[\[4\]](#) *Папков С. А.* Сталинский террор в Сибири 1928–1941. — Новосибирск, 1997. С. 92–96; *Нікольський В. М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х — 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Монографія. — Донецьк, 2003. С. 389

(указано В.А. Золотарёвым); Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. - Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. — М., 2006. С. 568.

[5] *Золотарьев В. А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщине: люди та доли (1919–1941). — Харьков, 2003. С. 28–29.

[6] ГАНО. Ф. П-11а. Оп. 1. Д. 45. Л. 90; Политические репрессии в Алтайском крае 1919–1965. — Барнаул, 2005. С. 58.

[7] *Петров Н.В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД? С. 501.

[8] *Золотарев В. А.* Особенности работы УНКВД по Харьковской области во время проведения массовой операции по приказу N 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа N 00447С. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. — М., С. 581.

[9] *Мозохин О. Б.* Роль органов госбезопасности в экономической системе СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. — М., 2008. С. 85–129.

[10] *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. — М., 2004. С. 397.

[11] См.: Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925. В 2-х книгах. Сост.: Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. — Новосибирск-М., 1997, 1998; Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920—1941 гг. Документы и материалы. Сост. А.И. Савин. - Новосибирск-СПб, 2004.

[12] *Извозик В. С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918 — 1928 годах. — СПб., 1995; *Петров М. Н.* ВЧК-ГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). — Новгород, 1995; *Тополянский В. Д.* Вожди в законе. Очерки физиологии власти. — М., 1996.

[13] *Мардамшин Р. Р.* Башкирская чрезвычайная комиссия (страницы истории). — Уфа, 1999; *Олех Г. Л.* Кровные узлы. РКП (б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. — Новосибирск, 1999; *Иванова Т. С.* Из истории политических репрессий в Якутии (конец 1920? х — 1930? е гг.). — Новосибирск, 1998; *Алексеев Е. Е.* Признаю виновным... — М., 1996; *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. — М., 2004; *Шишкин В. И.* (сост.) За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921. — Новосибирск, 2000.

[14] См. *Тепляков А. Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936—1946-х годах // Минувшее. Вып. 21. — СПб.-М., 1997. С. 243.

[15] Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917 — 1921 гг.). — М., 1997. С. 657, 681.

[16] См. Правда. 1925, 23 июня; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина? С. 95–96, 103–107; *Исаев В. И.* «Они хотели убить Сталина»: ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. — Новосибирск, 2005.

[17] *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. — Новосибирск, 1992. С. 3–79; *Угроватов А.П.* Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). — Новосибирск, 1999; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. — М., 2007. С. 155–167.

- [18] См.: *Шишкин В. И.* Тюменский «заговор корнета Лобанова» // История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции. — Кемерово, 2001.
- [19] *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М., 1991. С. 396; *Мельгунов С. П.* Красный террор в России в 1918—1923 гг. — М., 1990. С. 129.
- [20] *Неизвестная Россия. XX век.* - М., 1992. С. 36–37.
- [21] *Мельгунов С. П.* Красный террор в России... С. 163.
- [22] *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России... С. 432.
- [23] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 334. Л. 4–5 (сообщено к. и. н. А.И. Савиным).
- [24] Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-3715. Л. 1-3, 16.
- [25] *Аллилуев В. Ф.* Аллилуевы — Сталин: хроника одной семьи. — М., 2002. С. 91–95.
- [26] *Словцовские чтения-2000.* Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. — Тюмень, 2000. С. 167–168; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 151. Л. 67.
- [27] *Огонёк.* 1990. N 21. С. 19; *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России.. С. 224–225.
- [28] *Измозик В. С.* Глаза и уши режима С. 111-112; *Старков Б. А.* Роль органов государственной безопасности во внутрипартийной борьбе 1920 — 1930-х годов // Исторические чтения на Лубянке. — М., Великий Новгород, 1999.
- [29] См.: *Олех Г. Л.* Кровные узы С. 10.
- [30] *Неизвестная Россия* С. 38–40.
- [31] За целый ряд ценных указаний благодарю В.А. Золотарёва (Харьков).
- Опубликовано в «Клио. Журнал для учёных. 2012. № 6 (66). С. 141–148».*